

Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 171–183.

ISSN 2070-0695 (print).

Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2022;2(44):171–183. ISSN 2070-0695 (print).

Дискуссионная статья

УДК 070; 316.6;159.95

DOI 10.47475/2070-0695-2022-10221

«ЦИФРОВЫЕ АБОРИГЕНЫ» КАК НОВОЕ РОССИЙСКОЕ «ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»?

Анна Сергеевна Сумская

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, anna.sumskaia@urfu.ru,

ORCID: 0000-0001-8186-2937

Аннотация. В работе представлены результаты научной рефлексии феномена «потерянных поколений». Анализ причин возникновения подобных поколений в России позволяет сделать вывод о том, что нынешние ограничения в доступе к медиа без предоставления равнозначных альтернатив могут привести к появлению новой генерации «лишних людей» - первого отечественного «цифрового потерянного» медиапоколения.

Ключевые слова: исследование медиа, медиапоколение, миллениалы, цифровой разрыв, формативные годы, «потерянное поколение», специальная военная операция.

Для цитирования: Сумская А. С. «Цифровые аборигены» как новое российское «потерянное поколение»? // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 171–183. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10221>.

Discussion article

“DIGITAL NATIVES” AS THE NEW RUSSIAN “LOST GENERATION”?

Anna S. Sumskaya

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, anna.sumskaia@urfu.ru,

ORCID: 0000-0001-8186-2937

Abstract. The paper summarizes the results of Russian and non-Russian research to identify the causes of the emergence of “lost” generations from the position of social & humanitarian knowledge. The result of theoretical reflection of the formative experience of Russian “digital natives” is the conviction of the essential generational significance of free access to information and communication technologies and the continuity of the interactive media stream and a weighty factor in the generational entelechy of “digital” media generations. In addition, the essential reason for the emergence of “lost generations” was theoretically revealed – this is the lack of objective opportunities for the implementation of the formed generational patterns. The current restrictions on access to the media, the most sought-after by the Russian generation of “digital natives”, due to the unfriendly reaction of the Internet community to the special military operation in Ukraine without providing equivalent media alternatives, could lead to a new generation of “superfluous people”- the first domestic “lost” media generation.

Key words: media study, mediageneration, millennials, digital divide, formative years, «lost generation», special military operation.

For citation: Sumskaia A. S. “Digital natives” as the new Russian “lost generation”? *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*. 2022;2(44):171–183. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10221>.

Введение

Цифровизация, вызванная повсеместным проникновением интернета в жизнь россиян, изменила подход к передаче сведений и потреблению медиаконтента. Опыт непрерывного получения информационно-коммуникативного опыта в значительной степени важен для наиболее молодых россиян – «цифровых» медиапоколений, которые на протяжении всего периода становления погружены в цифровую медиасреду. Ю. Г. Рыков указывает, что в условиях информационного общества основой социальной стратификации является критерий доступа к виртуальной информации [19. С. 49]. При этом, медиа настолько «стали частью нашей жизни, что ограничение медиапотребления приравнивается к утрате социального контакта» [4. С. 201]. Проблема утрат, крушения надежд и связанных с этим событий, трансформации устойчивых поведенческих паттернов в контексте поколенческой тематики наиболее явно выражена в феномене «потерянных поколений». Специфика медиапользования и поколенческих цифровых разрывов, имеющих не только социально-значимый, но ценностный характер, в ситуации нынешних ограничений доступа к медиа в связи с проведением специальной военной операции на Украине, обретают новый смысл и степень актуальности.

Методология исследования

Методологию исследования составили теоретические работы о поколениях К. Манхейма (K. Mannheim) [28], «цифровых» поколениях М. МакКриндла (M. McCrindle), М. Пренски (M. Prensky), Е. И. Изотовой., Н. А. Голубевой, О. В. Гребенниковой, М. П. Мирошкиной, Э. Ф. Зеера, Н. Г. Церковниковой, В. С. Третьяковой, А. В. Плетнева, В. В. Радаева, И. Г. Шестаковой [30; 31; 7; 14; 6; 17; 18; 25]. Представления о поколениях с позиции медийного подхода сформулированы в трудах М. Маклюэна (M. McLuhan) [12], с позиции антропологического подхода - в работах М. А. Анипкина, В. В. Семеновой [1; 21; 22], исследованы поколения на основе социологического подхода Ю. Левадой, В. В. Радаевым [11; 18].

Антропологический феномен «потерянного поколения» на основе субъектной позиции изучен в работах К. Манхейма (K. Mannheim), Семеновой [28; 22], как объект - в трудах Б. Гиленсона, М. П. Мирошкиной, Х. Н. Садыковой, И. Г. Шестаковой и др. [3; 14; 20; 25].

Изучение специфики коммуникаций, опосредованных медиа и отражающих поколенческие коммуникационные стратегии, представлено в работах М. Маклюэна, Л. Мановича, О. И. Маховской и др. [12; 29; 13]. При анализе сегодняшних проблем «цифрового» медиапоколения использована концепция цифрового разрыва и цифрового неравенства [32].

Результаты исследования.

«Цифровое» медиапоколение: рефлексия формирующего опыта

Антропологический подход позволяет не только «высветить» этимологию термина «поколение» (с латинского буквально означает «генерация, порождение»), определить с позиции генеалогии поколение как «однокровных» людей в силу родства между ними и наличия общих предков [26. С. 25], но и акцентировать внимание на человекоцентрированных характеристиках, биографически-событийных данных, влияющих на поколенческое самоосуществление, проживание своей судьбы [7. С. 54]. Понятие жизненного пути встраивается в определенное поколение не как простая совокупность жизненных событий, а как структурированный феномен, распространяющийся на все сферы жизнедеятельности. М. МакКриндл (M. McCrindle), автор концепции поколений, в основе которой технологические изменения, влияющие на формирование жизненных ценностей, а в конечном итоге - на жизненный путь, утверждает: «Несмотря на то, что люди разного возраста переживают одни и те же события, возраст, в котором они подвергаются политическому сдвигу, технологическим изменениям или формируют социальные маркеры, определяет, насколько они закрепляются в психике и мировоззрении человека» [30. С. 3]. В этом контексте, события, связанные с технологическими трансформациями, качественно меняющими мировоззрение и оценочно влияющими на проживание человеком своего пути, становятся одним из значимых биографических свидетельств.

«Цифровые аборигены» как новое российское «потерянное поколение»?

Медийный подход позволяет операционализировать представления об аудитории СМИ в поколенческой терминологии. За основу представлений о медиапоколении примем его понимание как совокупности аудитории медиа, объединенной привычной вовлекающей коммуникативной технологической средой и имеющей схожие устойчивые медиапредпочтения. На становление медиапоколения и его поведенческие паттерны влияет формативный социализирующий опыт, приводящий к солидаризации и общей судьбе поколения в той или иной социально-культурной реальности.

Ученые пришли к выводу о том, что медиа являются одним из ведущих институтов социализации с 50-х гг. XX в., а в эпоху цифровизации становление подрастающих поколений реализуется в ситуации мощного влияния интернета и погружения в цифровые медиа [7]. Это дало основание еще в начале XXI века именовать их «цифровыми аборигенами» [31].

В 2020 г. по данным исследовательского проекта Web Index, проникновение интернета в России среди молодого населения (до 44 лет) превысило 90 %, а среди россиян 12–24 лет приблизилось к 100 % [2]. Таким образом, можно идентифицировать наличие и в России подобных «аборигенов», или «цифровых» медиапоколений. Одной из значимых особенностей нынешней российской молодежи является не только самоидентификация как поколения технологизированного, компьютеризированного и склонного к инновациям, но и готового к технологической сингулярности [15]. Для молодежи медиажизнь в непрерывном цифровом потоке становится естественной практикой.

Цифровая медиасреда является продолжением и развитием электронной, которая, по убеждению М. Маклюэна, является очередным технологическим расширением человека, изменившим чувственную сферу и познавательные процессы человека. Эта среда актуализирует потребность и прививает вкус к глубокому переживанию и сопереживанию, поскольку ориентирована на репрезентацию не столько действия, сколько отклика на него, а потому словно подстегивает к эмоциональным реакциям и «проявляется в тотальном вовлечении во всепоглощающую сейчасность» [12. С. 385]. Единицей времени для них стал миг, а события фиксируются в коротких хрониках. В результате изучения социализирующейся в цифровом медиамире молодежи ученые пришли к выводу об особо развитой эмоциональности «цифрового» поколения, нелинейности восприятия мира в результате многомедиазадачности, клиповости мышления, высоком уровне импульсивности [6. С. 161], преобладании образного интеллекта. Медианавыки и особенности познавательной сферы помогают «цифровому» медиапоколению осуществлять успешную самонавигацию, реализовывать индивидуальные траектории своего развития.

Есть еще одна значимая особенность «цифровых» поколений - это высокая степень удовлетворенности жизнью и провозглашение права «жить настоящим и быть счастливыми» [23. С. 37]. До специальной военной операции на Украине одной из площадок, маркирующих жизненный мир как благополучный, праздничный и успешный, являлся Instagram (признана экстремистской и запрещена в РФ с 22.03.2022). Его называли «платформой счастья», поскольку в этой сети размещалось более 90 % позитивных и оптимистичных публикаций. Пользователи сети протраивали собственные виртуальные биографии как визуальные проекты «счастливой жизни». А. В. Дроздова по этому поводу резюмирует: «Такие базовые антропологические основания, как «жить красиво», «жить с удовольствием», «быть счастливым» становятся проявлением потребности в эстетическом как чувственном восприятии мира» [5. С. 194].

«Цифровые аборигены» имеют отличительные особенности коммуникации. С. Хьярвард (S. Hjarvard) еще в 2008 г., анализируя последствия насыщения общества СМИ, пришел к выводу о том, что медиа не только не могут анализироваться отдельно от других общественных институтов, но и само общество становится зависимым от логики существования медиа [27]. Поэтому так актуально в рамках изучения «цифровых» медиапоколений резюме Л. Мановича о том, что «software is the message», противопоставляя выражению М. Маклюэна «medium is the message» видение первостепенности в цифровой коммуникации программного обеспечения, его логики [29]. А. В. Дроздова приходит к выводу: «Компьютерные программы особым образом воздействуют не только на само сообщение, но и на того, кто его получает, изменяют формы коммуникации и восприятия любой символической продукции, будь то произведение искусства или новости» [5. С. 159].

Эта коммуникация, как тип социального взаимодействия, не имеет единого центра, управляющего уровня. Коммуниканты самостоятельно объединяются в social media на основе общих событийных или текущих интересов, ценностей. Они имеют своих инфлюенсеров, подчас мало известных вне сетевых сообществ. Представители «цифровых» медиапоколений привержены просьюмеризму, готовы создавать собственный контент и делиться точкой зрения в групповой коммуникации, причем «здесь и сейчас», закрепляя ценности персонализации, уникальной самореализации и самоидентичности.

По результатам наших полевых исследований (на основе глубинных интервью с 30 респондентами) 100 % респондентов каждый день почти постоянно используют интернет, в том числе для поиска нужной информации, покупок, коммуникации. Все респонденты зарегистрированы в различных социальных сетях. Их активность представлена преимущественно в ВКонтакте, Telegram, Instagram¹, TikTok (ограничила функции для российских пользователей с 06.03.2022 в связи публикацией недостоверной информации о военных действиях). Большинство информантов не различают названия конкретных цифровых СМИ / СМК в своей ленте новостей. Обращают внимание на короткие мультимедийные форматы, интересующую тематику, лаконичный дизайн. 100 % информантов смотрят видео на YouTube. Телевизор есть в доме у 40 % респондентов, причем 20 % респондентов используют его лишь в качестве экрана для потребления контента из Интернета, 20 % респондентов предпочитают фоновое звучание ТВ в течение дня. Ни один из респондентов не считает телевизор источником новостей, но 100 % информантов признают таковым интернет, причем для 60 % - это соцсети, а для остальных 40 % - цифровые версии газет и сетевых СМИ, которые они потребляют в тех же соцсетях.

Таким образом, «цифровое» медиапоколение привыкло к рандомной, нелинейной и децентрализованной коммуникации, а социальные сети дают возможность не только для самовыражения, но и одновременного построения множественных горизонтальных поколенческих и при желании межпоколенческих связей. Все это в совокупности с крупными событиями, трансформирующими мировоззрение, составляет основу поколенческой энтелехии (внутреннюю силу, поколенческое единство).

Как видно, «природа построения сетевых коммуникаций» [10. С. 69] «цифровых» медиапоколений отличается и от линейных последовательных способов распространения информации СМИ аналогового периода, и от ценностных идей, фиксированных традициями нашей культуры. В частности, О. И. Маховская констатирует устойчивость патриархального наследия, доминантной вертикальной коммуникации «по семейному типу, как противостояние отца и сына», распространяемой и на сферу традиционных отечественных СМИ [13. С. 108]. В развитие ее логики можно продолжить, что институциональные электронные медиа, особенно телеканалы, сформировавшие редакционную политику в линейный аналоговый период, и сегодня реализуют традиционную для России модель коммуникации, выполняя функции сильных «отцов», с высоты опыта ограничивая и направляя своих совестливых «сыновей». Трудно не заметить, насколько эти принципы, способы и ценности коммуникации отличаются от коммуникативного взаимодействия российских «цифровых аборигенов», особенно наиболее молодых, практически полностью интегрированных в глобальное цифровое международное сетевое взаимодействие.

Результаты исследования.

Феномен «потерянного поколения»: причины возникновения

Впервые литературоведческий термин «потерянное поколение» введен в оборот американской поэтессой и теоретиком литературы Г. Стайн, а использован в романах Э. Хемингуэя («И восходит солнце»), Э. Ремарка («На Западном фронте без перемен»), других американских и европейских писателей, переживших в юные годы шоковый опыт Первой мировой войны. «Потерянное поколение» маркируется глубокой духовной и моральной травмой в результате тяжелейших испытаний, к которым участники военных событий не были подготовлены. Искалеченные и изломанные человеческие отношения сформировали сходные жизненные позиции и общность поколенческих судеб. Поскольку события Первой мировой войны навсегда изменили их мироощущение, в результате фронтовика не смогли полноценно адаптироваться к новой мирной

¹ Признана экстремистской и запрещена в РФ с 22.03.2022.

жизни, поэтому идентифицировали себя «неучтенными жертвами войны». Причины – утрата прежних идеалов, смена культурных индикаторов «нормальности».

Результатом рефлексии последствий Первой мировой войны, в том числе распада империй, стало осмысление феномена массового «потерянного поколения» в научном дискурсе. В частности, в 1928 г. австрийско-немецким социологом К. Манхеймом (K. Mannheim) написан ныне всемирно известный трактат «Проблема поколений». В его основе – выработка целостной концепции о поколениях как массовидных явлениях. Манхейм убежден, что «первые впечатления» и освоенный опыт в ранней юности становится самым устойчивым, стремится стабилизироваться и сохраняться в течение жизни как естественное видение мира, отражая «стратифицированное сознание» поколения [28. С. 179]. Сам К. Манхейм считал себя типичным представителем «потерянного поколения».

После Второй мировой войны в западных странах проблема «потерянных поколений» вновь актуализировалась. Однако в разных территориях настроения «потерянного поколения» идентифицировались и, соответственно, осмыслились по-разному. Например, в Великобритании поколение именовалось как «рассерженные молодые люди», в США - «разбитое поколение», а в ФРГ - «поколение вернувшихся» [3].

Проблема «потерянных поколений» исследуется в работах отечественных социологов, культурологов, педагогов, политологов. Х. Н. Садыкова конкретизирует «пропавшую» генерацию как общность людей, которые не смогли реализовать свои способности в силу ряда объективных причин [20]. Триггером формирования потерянности поколений является по мнению психосоциолога Е. Шамис «непонятность будущего» [24].

«Потерянность» поколения может идентифицироваться как на основе субъектной участной позиции, так и в результате осмысления его как самостоятельного объекта. Социолог В. В. Семенова на основе глубинных интервью констатирует наличие признаков «потерянного поколения» у представителей элитарного дореволюционного поколения (1900-е гг. рождения), получивших «аттестаты зрелости еще с пропечатанными орлами», а после - «переломанного революционными потрясениями»; у представителей массового поколения «социалистического проекта» (1950-е гг. рождения), попавших в середине жизненного пути «в расщелину» (годы Перестройки) и столкнувшихся с неизбежностью отказа от прежней системы мышления, оценок себя и окружающего мира, принятия материалистических ценностей и императива «борьбы за выживание» [21. С. 264]. В последующем «потерянность» поколения учеными выявляется как на основе масштабных травмирующих изменений, приведших к кардинальной смене жизненного пути их представителей, так и посредством выделения одного или нескольких наиболее значимых критериев, повлиявших на их судьбу и жизненный путь. Так Ю. А. Левада относит к «потерянному» поколению Холодной войны, возникшее в результате влияния политики изоляционизма и информационной блокады советского периода, что привело к поколенческой неспособности адаптироваться к «открытому» существованию в период и после 90-х гг. XX в., в целом, к страху перемен. Эта «потерянность» опредмечивалась через своеобразную «боязнь информации, нежелания ее иметь, неумения ее понимать» [11. С. 8]. И. Г. Шестакова конкретизирует: «Выход в открытое информационное пространство стал для них шоком. В историческом бэкграунде этого поколения есть жизнь в закрытом обществе, основанном на сокрытии информации, которая сегодня открылась. Всё это составляет для них нескончаемый источник дискомфорта, который отгораживает их от всех остальных поколений и от социальной жизни вообще» [25. С. 49].

М. А. Анипкин, используя метод исследования индивидуальных биографий, приходит к выводу о поколении «лишних людей» (1970-е гг. рождения), формативные годы которого совпали с самым поздним советским периодом, а начало профессионализации – со временем Перестройки. Анипкин, используя субъектную позицию, констатирует: «У них были ожидания и надежды, которые так и не стали реальностью. Они планировали одни карьерные траектории, а востребованными оказались совсем другие. Их личное будущее, как и будущее страны, оказалось не таким, как виделось тогда» [1. С. 294].

М. Р. Мирошкина на основе объектной позиции относит к «потерянным» первое несоветское поколение, или «поколение быстрых кнопок», обосновывая это неактуальной системой образования, которая «разрабатывалась и создавалась в экономических условиях промышленной

революции» [14. С. 17]. Поэтому как образовательная стратегия, традиционная для советской педагогики, - взрослый «рядом и чуть впереди», так и организационные усилия образовательного сообщества, ориентированные «на самосохранение взрослых, а не на актуальное развитие молодого человека» [14. С. 17], способствовали тому, что транслируемое содержание в итоге не соответствовало требованиям действительности. В результате обучающиеся получили знания и навыки, не востребуемые в эпоху сетевого общества и развитых информационных технологий, поэтому идентифицируются как «потерянное поколение».

Политолог В. Б. Пастухов, рожденный в Украинской ССР, а ныне работающий в Университетском колледже Лондона, выражает свое субъективное мнение об этом поколении как «потерянном» (родившихся после 1985 г.) на основе собственных представлений об его революционной роли, назначение которого «строительство новой России». Но поскольку «поколение надежды оказалось поколением исторического тупика», он характеризует их как «бездвременно состарившееся поколение инфантильных и агрессивных» [16].

В. В. Радаев на основе объективной позиции идентифицирует поколение миллениалов как «разочарованное» [18. С. 183]. Причины появления новых «лишних людей» видит в том, что миллениалы в отличие от предыдущего российского поколения росли в относительно благополучное экономическое время и не имели забот вроде борьбы за кусок хлеба, имели множественность вариантов развития в отличие от поколений советского периода, когда «все дороги были прямыми», поэтому для них стал актуальным экзистенциальный вопрос, прежде значимый для людей среднего возраста (так называемого кризиса среднего возраста) о смысле существования, своего предназначении. В развитие темы добавим, поскольку это поколение является еще и первым поколением ЕГЭ, подготовка и результаты которого не ориентированы на развитие критичности и аналитичности мышления, то «трудные вопросы» подчас не находили решения, что часто с одной стороны вызывало близкие к депрессивным состояния, а с другой – востребованность многочисленных своеобразных психологических технологичных инструкций, дайджестов по решению проблем самым коротким путем и с наименьшими усилиями. Ситуация усугублялась тем, что формативный период медиапоколения совпал со временем лавинообразно нарастающего объема информации, в том числе в появившихся социальных сетях, что постепенно формировало устойчивые навыки поверхностного восприятия информации и поверхностной коммуникации в сетях. Эта поверхностность впоследствии перенесена на «осмысление» всех процессов жизнедеятельности, что привело к снижению возможности «инвестировать» как в погружение информации, в межличностные отношения, так и в строительство собственной жизненной стратегии. В условиях отсутствия поколенческого менторства со стороны старших, которым после трансформации в «лихие 90-е» нечего было предложить в качестве устойчивых и понятных траекторий развития, а стратегии более ранних поколений - «простых советских людей» - и вовсе казались рудиментами в культурно-исторической и политической реальности России периода «растущего нефтедоллара», поэтому это поколение оказалось в наименьшей степени психологически защищенным, слабо подготовленным к решению жизненных вопросов, что сказалось на сниженной жизнестойкости и в результате обозначилось как «потерянное» поколение.

В. В. Семенова на основе лексических форм самопрезентации поколений и интерпретации результатов в понятиях культурной антропологии пришла к выводу, что, во-первых, поколения соотносят себя с социальным временем (как историческим, так и собственным временем жизненного пути), во-вторых, «каждое из них позиционирует свое положение в обществе как «состояние жертвы социальных процессов» [22. С. 90]. Причем результаты показали, что «состояние экспрессивного страдания» проявляется у респондентов всех исследуемых возрастов (например, «жертвы войны», «брошенные и забытые» - у представителей старших поколений; «жертвы перестройки», «обманутые и брошенные» - представителей условного среднего возраста; «брошенные на произвол судьбы», «забытые своей страной» - у молодого поколения). Результаты исследования позволили В. В. Семеновой сделать следующий вывод: «Это состояние жертвенности, по видимому, следует отнести к узловым характеристикам архетипа русских, где терпение, страдание, смирение называются орудием и результатом внутреннего делания, «устроения души», имеющим принципиальную ценность в русской культуре, без которой нет личности, нет статуса, нет уважения со стороны окружающих» [22. С. 90]. Таким образом,

следуя выводам В. В. Семенович почти 20-летней давности, «потерянность» каждого поколения является отражением и воспроизведением архетипической предрасположенности к страданиям, поэтому периодически появляющиеся стимулы-символы - травмирующие события - позволяют истинному самоосуществлению соотечественников и проживанию своей «особой судьбы».

Вместе с тем заметим, что в настоящее время на российские «цифровые» медиапоколения существенное влияние оказывают движущие технологические силы, центром которых являются западные страны. В этой связи А. В. Плетнев резюмирует: «Поколение Z, которое благодаря интернету проходило социализацию под постоянным влиянием западного континента, больше, чем любое другое поколение, похоже на своих западных сверстников [17. С. 116]. К подобному выводу приходит В. В. Радаев на основе популяционных исследований 1994–2016 гг., утверждая, что «российские юноши и девушки мало отличаются от своих американских сверстников» [18. С. 172]. Российские и западные сверстники транслируют схожие ценности и жизненные практики. В частности, «цифровые» поколения позже вступают в брак, больше занимаются спортом и меньше употребляют алкоголь, ориентированы на выстраивание work-life balance [18. С. 167], часто отказываются от линейной профессиональной карьеры в пользу дауншифтинга и собственных многовариантных путей самореализации, ценят персонификацию и собственную уникальность, на постоянной основе погружены в непрерывный информационный поток, поэтому ощущают себя более свободными и более гибкими, чем предшествующие поколения. В своих прошлых исследованиях мы сами смогли увидеть и частотность использования англоязычной лексики в речевых паттернах российских «цифровых» медиапоколений, и принятие как своих поколенчески значимых проблем, волнующих западных сверстников.

Канадский социолог Дон Тэпскотт (D. Tapscott) и вовсе приходит к выводу, что настоящее сетевое поколение стало глобальным. По его мнению, существует удивительное сходство между представителями сетевого поколения в 12 странах, которых он изучал. «С появлением Интернета отчетливые локализованные характеристики, характерные для молодых людей, каким-то образом исчезают. Да, страны и регионы по-прежнему будут обладать уникальными культурами и значимыми особенностями, но все больше молодых людей во всем мире становятся очень похожими друг на друга <...> у них схожие установки, нормы и поведение» [33. С. 27].

В этой связи, размышляя о возможных критериях или событиях, ведущих в перспективе к «потерянности» поколений, можно предположить грядущие или уже существующие кардинальные травмирующие изменения в цифровой среде и способах коммуникации в глобальном контексте (с позиции технологического детерминизма) и/или глубокие культурно-ценностные страновые трансформации, влияющие на самоощущения каждого человека и приводящие к утрате прежней «нормальности» (с позиции культурной антропологии).

Обсуждение результатов и перспектив исследования

Размышления о жизни «цифровых аборигенов» в информационном потоке, в цифровых медиа и социальных сетях, находят свои подтверждения. Поколенческий уход от традиционных СМИ аналогового периода в цифровое медиапространство вполне соотносится с суждениями М. Маклюэна, который доказывает, что «новое средство коммуникации никогда не бывает добавлением к старому и никогда не оставляет старое в покое. Оно не перестает подавлять старые средства коммуникации до тех пор, пока не найдет им новое положение и не облечет их в новые формы» [12. С. 197].

Одной из наиболее значимых характеристик в контексте данного исследования является преобладание у молодых российских «цифровых аборигенов» установки не на запреты и ограничения, а то, что можно делать и какой вариант из веера возможных выбрать в качестве ориентира.

Нынешние ограничения в медиапользовании, включающие блокировку доступа к ряду социальных сетей, закрытие некоторых цифровых СМИ в результате недружественной реакции на проведение специальной военной операции России на Украине, оказывают травмирующее действие на медиажизнь «цифровых аборигенов», привыкших к целостности и непрерывности информационно-медийного потока. Негативно-оценочные эмоциональные высказывания представителей «цифровых» медиапоколений по поводу блокировки социальных медиа встречались в сетях достаточно часто. Кроме того, высокая токсичность медийного контента

обращала на себя внимание молодых российских «цифровых аборигенов». В этой связи уже известны результаты первых массовых исследований, полученных методом личных интервью на репрезентативной всероссийской выборке. Так, результаты показывают, что 27 % всех опрошенных (их них 68 % - возрастная группа 18–24 лет) испытывают на регулярной основе проблемы с доступом к цифровому медиаконтенту. Причем количество респондентов, использующих интернет на постоянной основе, продолжает увеличиваться и в марте 2022 г., несмотря на то, что доверие к интернет-изданиям и социальным сетям снизилось на 9 п. п. (до 15 %), а к традиционному телевидению по сравнению с 2021 г. увеличилось на 10 п. п. (54 % респондентов) [9]. Вместе с тем, по данным ВЦИОМ, только 11 % россиян считают правильным свободное распространение информации в интернете (без цензуры и ограничений доступа). При этом каждый второй россиянин убежден в целесообразности и полезности развития информационно-медийной среды, объединяющей весь мир [8]. Очевидно, эти результаты отражают поиск респондентами ответов на вопросы, возникшие в результате массивной негативной реакции в медиа на специальную военную операцию на Украине. Спустя месяц после ее начала политологи на федеральных российских телеканалах все чаще идентифицируют происходящее в глобальном медиапространстве как Первую мировую информационную войну. Пожалуй, с этим можно согласиться. Особенности познавательной деятельности российских «цифровых аборигенов» не позволяют в полной мере объективно рефлексировать события, тем более, как указано выше, эти поколения социализируются в тесной связи с западными сверстниками в единой цифровой среде.

На основе теории цифрового разрыва в нынешней ситуации можем констатировать новый вид цифрового разрыва и неравенства. Возникшая в настоящее время дискретность медиапотока, непрерывность которого значима прежде всего, для «цифровых аборигенов», показывает уникальное, но негативно усиливающее сочетание факторов цифрового неравенства, поскольку при высоком компетентностном уровне взаимодействия в цифровой медиасреде представители поколения ощущают уязвимость и «потерянность» в результате отсутствия доступа к некоторым социальным медиа, что приводит к неравенству шансов именно их социального самоощущения, ведь никто из предшествующих поколений не интегрирован настолько плотно в цифровую медиасреду как самые молодые российские «цифровые аборигены». Если после завершения специальной военной операции блокировка средств массовой коммуникации сохранится, то будет важно компенсировать сузившиеся возможности поколенческой мобильной медиакommunikации и создать альтернативные равноценные цифровые медиасреды, позволяющие поколенческому самоосуществлению, поскольку учеными доказано, что представители «цифровых» медиапоколений в ситуации медиамногозадачности при ряде отрицательных последствий «получает большее эмоциональное удовлетворение от такой параллельной вовлеченности сразу в несколько видов разнообразной деятельности [6. С. 161]. Как показывают события последних дней, сейчас предпринимаются попытки по созданию, например, аналога Instagram силами российских специалистов и в настоящее время проходят тестирование социальные сети Rossgram, Now, Musicgram, Грустнограм. Это не только сохранит право на личный суверенитет «цифровых» медиапоколений, но восстановит повседневные медийно-ритуальные поколенческие практики, может снизить последствия явно формирующегося культурного внутр поколенческого и межпоколенческого ценностного раскола, будет способствовать самоактуализации и самореализации, проживанию своей судьбы хоть и в новой культурно-исторической реальности, но в понятной для них устойчивой и непрерывной цифровой медиасреде.

Выводы

Цифровая медиасреда стала органичной средой существования современного общества. В основе поколенческого габитуса самых молодых российских «цифровых аборигенов» – медиажизнь и медиадетельность в цифровой среде. Медиапредпочтения, становясь устойчивыми, формируют повседневные медийно-ритуальные практики поколений, оказывают непосредственное влияние на устойчивость поведенческих поколенческих паттернов, на проживание собственного жизненного пути.

Результатом теоретической рефлексии становления российских «цифровых аборигенов» и соответствующей иллюстрации их эмпирического опыта стал вывод о поколенческой значимости

«Цифровые аборигены» как новое российское «потерянное поколение»?

свободного доступа и свободы выбора информационно-коммуникативных технологий, непрерывности и интерактивности медиапотока. Теоретическим путем выявлена сущностная причина возникновения «потерянных поколений» - отсутствие объективных возможностей для самоосуществления.

Предполагаем, что ограничения в доступе к информационным ресурсам и коммуникационным технологиям «цифровым аборигенам» без предоставления разнозначных альтернатив могут способствовать появлению нового вида цифрового разрыва, осложняющего внутр поколенческую и межпоколенческую медиакommunikацию в ситуациях стресс-событий, привести к появлению новой генерации «лишних людей» – первого отечественного «цифрового потерянного» медиапоколения.

Список источников

1. Анипкин М. «Поколение лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас. 2018. № 117. С. 290–308.
2. Аудитория интернета в России в 2020 году // Медиаскоп. 2021. URL: <https://mediascope.net/news/1250827/> (дата обращения: 03.04.2022).
3. Гиленсон Б. Потерянное поколение // Краткая литературная энциклопедия. 1968. № 8. С. 914–915.
4. Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.
5. Дроздова А. В. Визуализация повседневности в современной медиакультуре : дис. ... док. культурологии. М., 2017. 347 с.
6. Зеер Э. Ф., Церковникова Н. Г., Третьякова В. С. Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 6. С. 153–184.
7. Изотова Е. И., Голубева Н. А., Гребенникова О. В. Феномен межпоколенной трансмиссии в социокультурном и информационном пространствах современности // Мир психологии. 2017. № 1. С. 51–63.
8. Интернет: возможности или угрозы? // ВЦИОМ. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-vozmozhnosti-ili-ugrozy> (дата обращения: 09.04.2022).
9. Интернет, социальные сети и VPN // Левада-центр². 2022. URL: https://www.levada.ru/2022/04/08/internet-sotsialnye-seti-i-vpn/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter-post-title_81 (дата обращения: 09.04.2022).
10. Лавренчук Е. А. Социальные сети как эпистемические объекты // Вестник РГТУ. 2010. № 13. С. 63–70.
11. Левада Ю. «Человек советский»: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 2. С. 7–16.
12. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. Москва: Жуковский: «Канон-Песс-Ц, «Кучково поле», 2003. 464 с.
13. Маховская О. И. Роль медиа в формировании поколений «гамлетов» и «донкихотов» в России // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 105–113.
14. Мирошкина М. Р. Поколение как комплексная проблема гуманитарных наук // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия. 2017. С. 184–190.
15. «Новые Другие»: сетевое поколение начинает и выигрывает // Круглый стол в благотворительном фонде В. Потанина от 15.06.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EgIxBFUQA5w> (дата обращения: 09.04.2022).
16. Пастухов В. Теория о поколениях России: от «фронтовиков» – к «поколению без будущего» и дальше // Новая газета³. 2015. № 77. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/07/18/64943-teoriya-o-pokoleniyah-rossii-ot-171-frontovikov-187-8212-k-171-pokoleniyu-bez-budushego-187-i-dalshe> (дата обращения: 09.04.2022).

² Левада-центр включён в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранный агент» в РФ 05.09.2016 г.

³ Новая газета приостановила работу 28.03.2022 г. до окончания специальной операции на территории Украины.

17. Плетнев А. В. Социализация представителей поколения Z в цифровой среде и её влияние на образование // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2020. Т. 33. № 1. С. 115–121.
18. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
19. Рыков Ю. Г. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4. С. 44–60.
20. Садыкова Х. Н. Генезис научных представлений о поколении как социокультурном феномене // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20258> (дата обращения: 09.04.2022).
21. Семенова В. В. Дифференциация и консолидация поколений в условиях трансформирующегося общества // Россия реформирующаяся Москва: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 256–271.
22. Семенова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2005. С. 80–107.
23. Сумская А. С. Принципы дифференциации медиапоколений и их типология / Г Д. Саймонс, М. Ю. Мухин, В. Ф. Олешко [и др.]. // Межпоколенческая трансляция коммуникативно-культурной памяти в эпоху цифровизации. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 21–43.
24. Шамис Е. О. поколении Z, страхах и агрессии двадцатилетних и Грете Тунберг // Esquire.ru. 9 октября 2019. URL: <https://esquire.ru/articles/128732-evgeniya-shamis-specialist-po-teorii-pokoleniy-o-pokolenii-z-strahah-i-agressii-dvadcatiletnih-i-grete-tunberg/#part1> (дата обращения: 09.04.2022).
25. Шестакова И. Г. Живые свидетели эры до-Интернета // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1. С. 47–51.
26. Alwin D. F., McCammon R. J. Generations, cohorts, and social change // Handbook of the life course. Springer, Boston, MA, 2003. Pp. 23–49.
27. Hjarvard S. The mediatization of religion: A theory of the media as agents of religious change // Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook. 2008. Т. 6. № 1. Pp. 9–26.
28. Mannheim K. The Sociological Problem of Generations Essays in the Sociology of Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul, 1952. Pp. 163–195.
29. Manovich L. Software is the Message // Journal of Visual Culture, 2014. 13 (1). Pp. 79–81.
30. McCrindle M. The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations Kindle Edition // McCrindle Research Pty Ltd.: Sydney NSW, Australia. 2014.
31. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. MCB University Press, 2001. № 5. Pp. 1–6.
32. Norris P. The global divide: Information poverty and Internet access worldwide // Internet conference at the international political science world congress in Quebec City, 2000. Pp. 1–6.
33. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. New York: McGraw-Hill Education. 2008. 368 p.

References

1. Anipkin, M. (2018). «Pokoleniye lishnikh lyudey»: antropologicheskiy portret poslednego sovetskogo pokoleniya [“Generation of lost people”: an anthropological portrait of the last Soviet generation]. *Neprikosnovennyy zapas* [Untouchable reserve: scientific journal], 117, pp. 290-308. (in Russ.).
2. *Auditoriya interneta v Rossii v 2020 godu* (2021). [Internet audience in Russia in 2020]. *Mediaskop* [Mediascope], available at: <https://mediascope.net/news/1250827/> (accessed 28.03.2022) (in Russ.).
3. Gilenson, B. (1968). Poteryannoye pokoleniye [The Lost Generation]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Brief Literary Encyclopedia], 8. pp. 914-915. (in Russ.).

4. Gureyeva A. N. (2016). Teoreticheskoye ponimaniye mediatizatsii v usloviyakh tsifrovoy sredy [Theoretical understanding of mediatization in a digital environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 6. pp. 192-208. (in Russ.).
5. Drozdova, A. V. (2017). *Vizualizatsiya povsednevnosti v sovremennoy mediakul'ture* [Visualization of everyday life in modern media culture] : Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora kul'turologii [Dissertation for the degree of Doctor of Cultural Studies], Moscow, 347 p. (in Russ.).
6. Zeyer, E. F., Tserkovnikova, N. G. & Tret'yakova, V. S. (2021). Tsifrovoye pokoleniye v kontekste prognozirovaniya professional'nogo budushchego [Digital generation in the context of predicting the professional future]. *Obrazovaniye i nauka* [Education and Science], 23 (6), pp. 153-184. (in Russ.).
7. Izotova, Ye I., Golubeva, N. A. & Grebennikova, O. V. (2017). Fenomen mezhpokolennoy transmissii v sotsiokul'turnom i informatsionnom prostranstvakh sovremennosti [The phenomenon of intergenerational transmission in the socio-cultural and information spaces of modernity]. *Mir psikhologii* [World of Psychology], 1, pp. 51-63. (in Russ.).
8. Internet: vozmozhnosti ili ugrozy? (2022). [Internet: opportunities or threats?]. *VTSIOM*, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/internet-vozmozhnosti-ili-ugrozy> (accessed: 10.04.2022) (in Russ.).
9. Internet, sotsial'nyye seti i VPN (2022). [Internet, social networks and VPN]. *Levada-tsentr*, available at: https://www.levada.ru/2022/04/08/internet-sotsialnye-seti-i-vpn/?utm_source=mailpoet&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter-post-title_81 (accessed: 10.04.2022)
10. Lavrenchuk, Ye. A. (2010). Sotsial'nyye seti kak epistemicheskiye ob'yekty [Social networks as epistemic objects]. *Vestnik RGTU* [Vestnik RGTU], 13. p. 63–70. (in Russ.).
11. Levada, YU. (2001). «Chelovek sovetskiy»: problema rekonstruktsii iskhodnykh form [“Soviet man”: the problem of reconstruction of initial forms]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2, pp. 7-16. (in Russ.).
12. McLuhan, G. M. (2003). *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding media: human external extensions]. Moscow: Zhukovskiy: «Kanon-Pess-TS, «Kuchkovo pole», 464 p. (in Russ.).
13. Makhovskaya, O. I. (2019) Rol' media v formirovaniy pokoleniy «gamletov» i «donkikhotov» v Rossii [The role of media in the formation of generations of “Hamlets” and “Don Quixotes” in Russia]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 15 (2). pp. 105-113. (in Russ.).
14. Miroshkina, M. R. (2017) Pokoleniye kak kompleksnaya problema gumanitarnykh nauk [Generation as a complex problem of the humanities]// *Detstvo XXI veka v sotsiogumanitarnoy perspektive: novyye teorii, yavleniya i ponyatiya* [Childhood of the XXI century in the socio-humanitarian perspective: new theories, phenomena and concepts], pp. 184-190. (in Russ.).
15. *Novyye Drugiye»: setevoye pokoleniye nachinayet i vyigryvayet* [New Others”: the network generation starts and wins]. *Kruglyy stol v blagotvoritel'nom fonde V. Potanina ot 15.06.2021* [Round table at the V. Potanin Charitable Foundation on 15.06.2021] available at: <https://mediascope.net/news/1250827/> (accessed: 28.03.2022) (in Russ.).
16. Pastukhov, V. (2015). Teoriya o pokoleniyakh Rossii: ot «frontovikov» - k «pokoleniyu bez budushchego» i dal'she [The theory of the generations of Russia: from “front-line soldiers” to “a generation without a future” and beyond]. *Novaya gazeta* [Novaya Gazeta], available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/07/18/64943-teoriya-o-pokoleniyah-rossii-ot-171-frontovikov-187-8212-k-171-pokoleniyu-bez-budushchego-187-i-dalshe> (accessed: 26.01.2022) (in Russ.).
17. Pletnev, A. V. (2020). Sotsializatsiya predstaviteley pokoleniya Z v tsifrovoy srede i yeyo vliyaniye na obrazovaniye [Socialization of representatives of generation Z in the digital environment and its impact on education]. *Uchonyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty* [Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work], 33 (1), pp. 115-121. (in Russ.).
18. Radayev, V. V. (2019). *Millenialy: kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow: Izdatel'skiy Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 224 p. (in Russ.).

19. Rykov, YU. G. (2013). Virtual'noye soobshchestvo kak sotsial'noye pole: neravenstvo i kommunikativnyy kapital [Virtual community as a social field: inequality and communicative capital]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 16 (4), pp. 44-60. (in Russ.).
20. Sadykova, KH. N. (2015). Geneziz nauchnykh predstavleniy o pokolenii kak sotsiokul'turnom fenomene [The genesis of scientific ideas about the generation as a socio-cultural phenomenon]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 1-2, available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?Id=20258> (accessed: 26.02.2020) (in Russ.).
21. Semenova, V. V. (2001). Differentsiatsiya i konsolidatsiya pokoleniy v usloviyakh transformiruyushchegosya obshchestva [Differentiation and consolidation of generations in a transforming society]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Reforming Russia]. Moscow: «KANON-press-TS», pp. 256-271. (in Russ.).
22. Semenova, V. V. (2005). Sovremennyye kontseptsii i empiricheskiye podkhody k ponyatiyu "pokoleniye" v sotsiologii [Modern concepts and empirical approaches to the concept of "generation" in sociology]. *Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and children: Generational analysis of modern Russia]. Moscow: Editorial office of the journal "New Literary Review", pp. 80-107. (in Russ.).
23. Sumskaya, A. S. (2021). Printsipy differentsiatsii mediapokoleniy i ikh tipologiya [Principles of differentiation of media generations and their typology]. *Mezhpokolencheskaya translyatsiya kommunikativno-kul'turnoy pamyati v epokhu tsifrovizatsii* [Intergenerational translation of communicative and cultural memory in the era of digitalization]. Yekaterinburg: Ural University Press, pp. 21-43. (in Russ.).
24. Shamis, Ye. (2019). O pokolenii Z, strakhakh i agressii dvadtsatiletnikh i Grete Tunberg [On Generation Z, the fears and aggression of twentysomethings and Greta Thunberg]. *Esquire.ru* [Esquire.ru.] available at: <https://esquire.ru/articles/128732-evgeniya-shamis-specialist-po-teorii-pokoleniy-o-pokolenii-z-strahakh-i-agressii-dvadcatiletnih-i-grete-tunberg/#part1> (accessed: 26.04.2020) (in Russ.).
25. Shestakova, I. G. (2017). Zhivyye svideteli ery do-Interneta [Living Witnesses of the Pre-Internet Era]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Wednesday. Development], 1. pp. 47-51.
26. Alwin, D. F. & McCammon, R. J. (2003). Generations, cohorts, and social change. *Handbook of the life course*. Springer, Boston, MA. Pp. 23-49.
27. Hjarvard S. *The mediatization of religion: A theory of the media as agents of religious change*. Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook. 2008. 6 (1). Pp. 9-26.
28. Mannheim, K. (1952). *The Sociological Problem of Generations Essays in the Sociology of Knowledge*. London: Routledge & Kegan Paul. Pp. 163–195.
29. Manovich, L. (2014). Software is the Message. *Journal of Visual Culture*. 13(1). Pp. 79-81.
30. McCrindle, M. (2014). *The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations Kindle Edition*. McCrindle Research Pty Ltd.: Sydney NSW, Australia.
31. Prensky, M. (2001). *Digital Natives, Digital Immigrants*. On the Horizon. MCB University Press, 5. Pp. 1-6.
32. Norris, P. (2000). The global divide: Information poverty and Internet access worldwide. *Internet conference at the international political science world congress in Quebec City*. Pp. 1-6.
33. Tapscott, D. (2008). *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. New York: McGraw-Hill Education. 368 p.

Информация об авторе

А. С. Сумская – кандидат педагогических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий.

Information about the author

Anna S. Sumskaya – PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Periodicals and Online Publications.

«Цифровые аборигены» как новое российское «потерянное поколение»?

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 27.04.2022;
принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 27.04.2022; a
ccepted for publication 05.05.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.